

Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры

© И.В. Захаренко, 2013

В настоящей статье в рамках лингвокультурологического подхода описываются фразеологические единицы, соотносимые с пространственным кодом русской культуры. Представления о пространстве восходят к древнейшим формам осознания мира и связаны, прежде всего, с освоением окружающего мира человеком, с процессом его «окультуривания». В связи с этим рассматривается роль древнейших оппозиций «внутреннее – внешнее», «свой – чужой», а также мифологическая функция границы в структурировании пространства русского мира. Особое внимание уделяется пространственным метафорам, в которых пространственные отношения переносятся на описание внутреннего мира человека, межличностные отношения, в деятельностную сферу и др., а также эталонным функциям исследуемых фразеологических единиц в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: архетипические оппозиции свой – чужой, внутреннее – внешнее, код культуры, социумно-психологическая роль границы, пространственная модель мира, эталоны культуры

Веронику Николаевну Телия можно без сомнения назвать основателем нового направления в гуманитарных исследованиях – лингвокультурологии, изучающей живую связь языка и культуры – и новой научной школы, которая занимается актуальнейшими для современного гуманитарного знания проблемами. Мне выпала честь работать под руководством Вероники Николаевны Телия над «Большим фразеологическим словарем», и меня всегда поражали ее острый ум, меткое слово, глубина и широта познаний, заразительная увлеченность своим делом и фантастическое обаяние. Вероника Николаевна всегда говорила: в культуре, как и в языке, нет ничего случайного. Перенося эту фразу в свое жизненное пространство и многократно повторяя слова неизмеримой благодарности Веронике Николаевне, смею верить, что знакомство и общение с нею также не были для меня случайными, так как они во многом определили сферу моих научных интересов и дали неиссякаемый заряд энергии для дальнейших научных исследований.

* * * * *

В настоящей статье на материале фразеологических единиц описывается фрагмент русской языковой картины мира, связанный с представлениями о пространстве. Анализ фразеологизмов проводится в рам-

ках лингвокультурологического подхода, при котором на основе образного основания единицы выявляется фон «окультуренного» осознания мира человеком, проясняется мотивированность культурно значимых смыслов в значении фразеологизмов и их употреблении, а также та роль, которую они способны выполнять как знаки «языка» культуры – эталоны или символы [Телия 2006: 12].

Современный человек воспринимает пространство в виде некоего объема, в котором располагаются различные объекты и происходят какие-либо жизненные процессы и явления. Представления о членении пространства, его свойствах, характеристиках, а также об отношении человека к пространственным параметрам, кодируются *пространственным кодом культуры*. Данные представления о пространстве восходят к древнейшим формам осознания мира и связаны, прежде всего, с освоением окружающего мира человеком, с процессом его «окультуривания» и «обживания». Как пишет Ю.М. Лотман, всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»), которые предстают соответственно как космос и хаос. При этом человек изначально погружен в реальное, данное ему природой пространство, но это оказывает непосредственное влияние на то, как он моделирует мир в своем сознании [Лотман 1996: 175-176]. И основополагающая роль в создании пространственной модели мира, на наш взгляд, принадлежит оппозиции «свой – чужой», которая, по мнению Ю.С. Степанова, в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных противопоставлений, существующих в коллективном, массовом, национальном мироощущении [Степанов 1997: 472], а также такому понятию, как *граница*.

В древнейших представлениях «свое» и «чужое» пространство мыслятся как совокупность концентрических кругов: в самом центре находится человек и его ближайшее родственное окружение, а степень «чужести» пространства возрастает по мере удаления от центра, от «мира своих» (человек – дом – двор – село – поле – лес). При этом «свое», т. е. освоенное, окультуренное пространство через ряд границ (лес, река, горы) переходит в «чужое», природное пространство, которое граничит или отождествляется с потусторонним миром. [СМ-ЭС: 425]. Другими словами, по мере освоения окружающего пространства человеком линия границы может перемещаться, ее фиксация всегда связана с тем, кто населяет это пространство – «свои» или «чужие» (см. об этом далее). Таким образом, граница предстает как средство идентификации «своего» пространства, разграничивая не столько «физические» и географические пространства, сколько социумы в широком смысле этого слова. Граница «и в наше время отнюдь не является толь-

ко условной линией, но наделяется в культурном сознании очень важным значением, являясь носителем и символом важнейших общественных и личностных смыслов» [Гудков 2002: 52], тем самым осуществляя свою культурно-психологическую функцию.

Пространственную модель мира русской лингвокультуры можно представить как пересечение границ разных уровней. И именно осознание амбивалентной – разделяющей и объединяющей – функции границы является отправной точкой в «структурировании» освоенного, «обжитого» пространства, которое предстает в совокупности нескольких составляющих¹, отражающих устройство мира и взаимодействие человека с окружающей средой. При этом пространственный код культуры накладывается на другие коды (временной, антропный, духовный и др.), перенося пространственные отношения на различные сферы бытия человека.

Итак, прежде всего, это внутренний мир – микрокосмос человека, находящийся внутри телесной оболочки и представляющий собойместилище мыслей, чувств, эмоций. Особую роль здесь играют «*сердце и душа* как локус чувств и эмоций <...> и *голова* как локус мыслей» [Красных 2003: 300], а также, например, *кровь* как носитель жизненной силы, чувств, посредник между телесным и духовным, материальным и идеальным [Гудков, Ковинова 2007: 219-220]. «Свое – чужое» в данном случае связывается с древнейшей оппозицией «внутри – снаружи», которая условно очерчивает границу между «своим», внутренним для человека пространством (в пределах собственного физического тела) и внешним, окружающим его миром. Вероятно, первая осмысляемая граница связана с границами собственного тела, поскольку освоение окружающего мира начинается с самого себя, а знания и наблюдения о себе самом переносятся на окружающую действительность. В связи с этим совсем не случайно, что компонентами фразеологизмов, отображающих древнейшие представления о внутреннем пространстве человека, являются наименования частей тела, которые и задают определенные отношения к окружающему миру. Кроме того, в ряде фразеологизмов отражено восприятие человеком своего личностного «Я» в совокупности эмоциональных, чувственно-мысленных, деятельностных, интеллектуально-волевых и т. д. проявлений как внутренне замкнутой и самодостаточной системы, которая противопоставляется внешнему миру и в то

¹ Идея о структурировании культурного пространства человеком на несколько составляющих принадлежит В.В. Красных: (1) внутренний мир человека, очерчиваемый границами его собственного тела; (2) фрагмент внешнего по отношению к человеку мира, который входит в его личное пространство, образуя личную зону; (3) фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как близкий, свой, родной; (4) фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как чужой [Красных 2003: 300].

же время «реализуется» в нем, проявляя себя тем или иным образом. Здесь возможны как гармония и «согласие» друг с другом неоднородных «Я» человека, так и «рассогласование», ведущее к внутреннему диссонансу или «неадекватности» проявления эмоций, чувств, поведения человека во внешнем мире (напр.: *хватить через край, без памяти 1, 2, 3, с пеной у рта, ум с сердцем не в ладу, не в себе, вне себя* и др.). Рассмотрим это на примерах.

В образе фразеологизма **до конца <кончиков> ногтей 1** (в значении ‘весь, целиком’ *кончики ногтей* условно описывают границу внутреннего пространства человека и символически выступают как «предел» проявления во внешних признаках его психологического, чувственно-эмоционального состояния (на что указывает тж. предлог *до*, обозначающий достижение предела). В то же время **ногти** предстают как одна из самых маленьких по размеру частей тела и «измеряют» интенсивность проявления (целиком, до самого малого) внутренних ощущений человека. Фразеологизм в целом выступает в роли эталона, т. е. меры, полноты проявления психологического, чувственно-эмоционального состояния человека. Например:

Он мельком взглянул на нее, она тоже бросила взгляд в его сторону и, вспомнив о жемчугах, покраснела. Покраснела **до кончиков ногтей**, будучи уверенной, что он это заметил. (*М. Кундера, Подлинность*). Она **до кончиков ногтей** светилась какой-то неземной радостью, какой-то воздушной легкостью. «Молодость, молодость, счастливая пора...» – подумал Алексей Фомич. (*Н. Наумов, Закат*). Любовь поглотила ее всю, без остатка, она была пропитана этим чувством до каждой клеточки, **до конца ногтей**. (*С. Максимова, Двое*).

В образе фразеологизма **до конца <кончиков> ногтей 2** (в значении ‘всем своим существом; самый настоящий, убежденный’) человеческое «Я» выступает как мысленно-чувственное «Я», проявляющееся во внешнем мире в деятельности человека. В данной метафоре *кончики ногтей* выступают мерой проявления свойств человека, его вкусов, пристрастий и предпочтений. Фразеологизм в целом выступает в роли эталона, т. е. меры, абсолютной убежденности в приверженности кого-л. определенным идеалам, взглядам, образу жизни, стереотипам культуры и под. Например:

Петр Петрович Лысов идеалист **до конца ногтей**, хотя и служит в банковской конторе Кунст и К°. (*А. Чехов, Острова*). Рекламщик Мел Гибсон – это мачо **до кончиков ногтей**. К сожалению, на дворе – век эмансипации, так что вместо него директором назначают Хелен Хант. (*МК, 2001*). Приняли решение: дом разбирать и перевозить. А ты очень изменилась, стала прямо-таки деловой женщиной **до конца ногтей**. (*Р. Епифанов, Вспоминая прапорщика*).

В образе фразеологизма **с пеной у рта** (доказывать, спорить, утверждать) в значении 'изо всех сил, настойчиво' *rot* метонимически отождествляется с речевой способностью; деятельностное «Я» субъекта (имеется в виду речевая деятельность) подчиняется эмоционально-чувственному «Я», которое уходит из-под контроля рационального начала, что проявляется в излишней возбужденности говорящего, который, споря, не слушает никаких разумных доводов. *Пена* же символизирует интенсивность и излишнюю эмоциональность речевого процесса (ср. слюновыделение в процессе возбужденного и длительного разговора – например, *плевать* *ся* *слюной*). Например:

Макаров был удивлен честным признанием сталевара. До сих пор он знал Бурова другим: накуролесит – и **с пеной у рта** доказывает, что виноват не он. (*В. Попов, Закипала сталь*). Но у нас – профессора и доценты до сих пор **с пеной у рта** продолжают настаивать на внедрении в жизнь принципа «свободной торговли». (*Куранты*). В Москве идет дискуссия о сути ваучеров. Одни **с пеной у рта** их превозносят, другие ругают. (*АиФ*).

Идиома **без памяти 1** (любить) имеет значения 'очень сильно, страстно, до самозабвения'; имеется в виду, что тот, о ком идет речь, полностью находится во власти своих чувств к другому человеку, не замечая ничего вокруг. В образе фразеологизма отображено представление о «разъединении» интеллектуально-волевого и эмоционально-чувственного «Я», в результате чего человек в полной мере оказывается во власти чувств и эмоций, которые уходят из-под контроля рационального начала, к которому принадлежит и память (ср.: *не помнить себя от злости, от гнева* и др.). Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т. е. меры, сильнейшего проявления любовного чувства. Например:

Едва заметив, какое она не него оказывает влияние, Лара бессознательно стала этим пользоваться... Патуля уже знал, что любит ее **без памяти** и в жизни ему нет больше отступления. (*Б. Пастернак, Доктор Живаго*). Она трепетала и разрывалась между большим... и старшиной, которого любила **без памяти**. (*С. Головановский, Тополь на том берегу*) Мальчик хороший, они дружат со школы, он тоже на втором курсе, в авиационном, учится хорошо, внешне ничего, но ужасно длинный, худой, в Иркуте влюблен **без памяти**, звонит каждый день по пять раз... (*Л. Улицкая, Бедные родственники*).

В образе фразеологизма **без памяти 2** (нести, бежать, лететь) в значении 'стремительно, молниеносно' оказывается актуальной связь эмоционального и деятельностного начала человека: деятельностное «Я» субъекта подчиняется эмоционально-чувственному «Я», которое уходит из-под контроля рационального начала, что проявляется в быстроте, стремительности передвижения человека в пространстве (ср. тж.:

Какой же русский не любит быстрой езды? *Н. Гоголь*). Кроме того, идиома отображает существующее в русской культуре стереотипное представление о человеке как о широкой, масштабной, бесшабашной натуре, для «реализации» внутреннего пространства которой необходима широта пространства внешнего. Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т. е. меры, стремительного передвижения человека в пространстве под воздействием безрассудного порыва собственных эмоций и желаний. Например:

– Господи, как можно так скакать [на лошади]! Он [Евгений] же несется **без памяти!** – Да не волнуйтесь вы так! Мы уже привыкли. Евгений любит такую езду, чтобы дух захватывало. (*Х/ф «Прощание»*). Схватила она эту газету и прямо **без памяти** [побежала] в избу, сует ее дочери: «Читай, читай, дочка, скорее: что тут пишут?» (*Б. Полевой, Номер «Правды»*). – Витя всегда был чрезмерно «рациональным» человеком, от него трудно дожидаться проявления чувств. Но вот когда он влюбился в Верочку [жену], на свидания **без памяти** летел. (*Т. Панина, Летние каникулы*).

Как видно из примеров, обозначения различных частей тела, включаясь в пространственную метафору, используются для «измерения» каких-либо свойств, характеристик человека, которые «реализуются» во внешнем мире в его поведении, межличностных отношениях и под. Таким образом, можно говорить об *эталонной функции «предела»* проявления различных свойств и характеристик человека в различных сферах его бытия (внутреннее, психологическое состояние, чувства-эмоции, интеллектуально-мыслительная деятельность, взгляды, страсти, образ жизни, межличностные отношения, поведение в социальном коллективе, нравственные нормы и т. п. – напр.: *по уши, по горло, за глаза, полон рот, до зубов, до мозга костей, до корней волос, до кончиков ногтей*).

Восприятие внутреннего пространства человека как совокупности различных «Я» человека, «реализуемых» во внешнем мире, находим также во фразеологизмах с компонентом *край*, изначально связанным с пространственным кодом культуры.

Так, во фразеологизмах **бить через край** в значении «бурно, с неистощимой силой проявляться» (говорится с одобрением) и **переливаться <перехлестывать> через край** в значении «проявляться сверх меры» (говорится с неодобрением, если выражаемые эмоции представляются говорящему нежелательными) *край* осмысливается как предел проявления эмоционального «Я» человека, его внутренних ощущений. Интересно отметить, что компонент *бить* создает стереотипное представление о неистощимости жизненных внутренних резервов человека, его положительных ощущений и эмоций (ср. образ родника, ключа, фонтана), поэтому в образе идиомы прорыв эмоционального «Я» наружу, во внеш-

ний мир, не сопровождается «разладом» с интеллектуально-волевым «Я» и оценивается положительно. Компоненты же **пере-ливаться, пере-хлестывать, пере-валивать** вносят в образ фразеологизма представление о превышении допустимой «нормы» – о потере контроля интеллектуально-волевым «Я» над эмоциональным «Я», которое, проявляясь во внешнем мире, выходит за пределы допустимого, что может служить поводом для негативной оценки в образе фразеологизма (ср. тж. ниже *хватить <перехватить> через край*). Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т. е. меры, проявления чувств, эмоций, внутреннего состояния человека.

Парень возвращался домой после четырнадцатичасового рабочего дня, но энергия **била** у него **через край**. Он промчался по двору. (*Л. Лагин, Голубой человек*). Максим нашел среди своих пациенток семнадцатилетнюю Розу. Здоровье у той **било через край**. (*Д. Донцова, Дантисты тоже плачут*). Тяжело топя, подбежал Федор. Ужас не помещался у него в глазах, **переливался через край**, смывал всякое выражение с детской, серой от усталости мордахи. (*Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости*). Счастье просто **переливалось через край**, и длилось оно не один год. ...Их брак благополучно избежал всех подводных камней. (*Д. Донцова, Вынос дела*). Что такое? Она вскипела, как турка с кофе, забытая на огне, – гнев мгновенно поднялся, **перевалил через край**, залил все вокруг, хотя ничего такого не произошло. (*Т. Устинова, Одна тень на двоих*).

В идиоме **хватить <перехватить> через край** в значении 'делать или говорить нечто излишнее, неуместное, несуразное' *край* символически осмысливается как некий допустимый предел, **переход через** который чреват негативными последствиями (ср.: *дойти до края* в своих поступках). Подобное восприятие усиливается компонентами **хватить, пере-хватить**, создающими стереотипное представление о неуместном, излишнем действии или действии, производимом сверх меры (ср.: *эк куда хватил!*): интеллектуально-волевое «Я» теряет контроль над деятельностным «Я», которое, проявляясь во внешнем мире, выходит за рамки допустимого, приемлемого поведения, что служит поводом для негативной оценки. Фразеологизм в целом выполняет роль эталона неуместного поведения как следствия утраты чувства меры человеком. Например:

В игре Яковлева никогда не было ничего шокирующего, ни одного момента, когда можно было бы сказать, что артист **хватил через край**, что примененный им эффект чересчур резок или не идет к делу. (*Э. Старк, Петербургская опера и ее мастера*). – Смотрите на меня, как на зверя. Кричит, мол, старый хрен без толку, без смысла, черт бы его драл. ...Ну, ладно, погорячился я, **перехватил через край** – разве же можно на старика сердиться? (*А. Куприн, Поединок*).

Следующую составляющую «окультуренного пространства можно определить как фрагмент внешнего по отношению к человеку мира, который входит в его личную зону – «промежуточную» зону взаимодействия «Я» с внешним, неосвоенным, пространством. Заметим, что в этом случае, как правило, пространственный код также «взаимодействует» с кодом телесным, а компоненты-соматизмы выступают в функции культурного пограничного ориентира в организации пространства, через который происходит контакт с внешним миром, выполняя тем самым символичные или эталонные функции, напр.: *за спиной, за глаза* (говорить), *нос к носу, под рукой, повернуться спиной / лицом, по пяткам, на короткой ноге, говорить в лицо, не к лицу, перед лицом* и др.

Рассмотрим фразеологизм *лицом к лицу* в трех значениях, в образе которого отражена связь пространства, межличностной и деятельностной сфер человека.

В образе фразеологизма **лицом к лицу 1** (видеть; столкнуться, встретиться) в значении ‘совсем рядом, в непосредственной близости; вплотную’ *лицо* метонимически замещает человека как такового и актуализирует представление о максимальном приближении при случайной встрече двух лиц; результатом такой встречи часто бывает идентификация, узнавание человека. Например:

Как-то вечером, возвращаясь из амбулатории, Ольга *лицом к лицу* столкнулась с Венцовым, выходящим из райисполкома. Она сразу узнала главного инженера. (*А. Чаковский, У нас уже утро*). Хотя они почти *лицом к лицу* столкнулись на вокзале, Незлобин не сразу узнал Петю Павлинова. (*В. Каверин, Наука расставания*).

В образе идиомы **лицом к лицу 2** (встретиться, столкнуться, оказаться) в значении ‘вплотную, при непосредственном личном контакте’ *лицо* символически выступает не столько как пространственная граница, сколько как граница межличностных контактов, метонимически замещающая человека или группу людей в совокупности характерных для них (для него) взглядов, пристрастий, идеологических, нравственно-моральных установок, проявлений личностных форм поведения в частной и социальной сферах. Образ фразеологизма опосредованно восходит, на наш взгляд, к древнейшей оппозиции «свой-чужой», разграничивающей в образном основании фразеологизма личные (или коллективные) пространства собеседников. Другими словами, визуальное расположение участников ситуации как бы друг перед другом – **лицом к лицу** – метафорически уподобляется «зоне» как соприкосновения, так и разграничения разных личных или коллективных пространств собеседников; что предполагает наличие противоречий и несовпадений во взглядах, провоцирующих иногда конфликтную ситуацию в общении. Например:

Организаторы (в первую очередь, Ассоциация компаний сферы информационных технологий – АКСИТ) ставили задачу свести лицом к лицу в неформальной обстановке партнеров и конкурентов. (*Computerworld*) Руководителей социальных служб поблагодарили за то, что те набрались мужества встретиться с ветеранами лицом к лицу. «*Оренбургье*»). Инженеры стояли у окна лицом к лицу: Алексей – побелевший как бумага, Беридзе – красный от возбуждения. (*В. Ажаев, Далеко от Москвы*)

Во фразеологизме **лицом к лицу 3** (встретиться, столкнуться, остаться) в значении ‘непосредственно, по-настоящему серьезно’ также реализуется оппозиция «свой – чужой», причем «чужое» пространство символически «заполняется» явлениями и событиями (например, болезнь, опасность и др.), неблагоприятно влияющими на жизнедеятельность человека, что требует от него их серьезного осмысления, а также приложения определенных усилий, чтобы противостоять подобным явлениям при столкновении с ними. Например:

Как редко мы бываем достаточно мужественны, чтобы лицом к лицу встретить насмешку и поругание! (*Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Закхей-мытарь*). Ужасно чувствую себя физически. Когда я не работаю, я как бы остаюсь лицом к лицу со своими хворостями. (*В. Инбер, Почти три года*). Он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью. (*А. Чехов, Житейские мелочи*).

Таким образом, лицо в пространственной модели мира может выступать как «граница», через которую происходит непосредственный контакт с окружающим миром, его восприятие и оценка, в противоположность *спине*, которая является «границей» между доступным человеческому взгляду пространством, находящимся впереди, и невидимым для человека пространством, расположенным сзади, вне поля его зрения. Данные представления восходят к древнейшей оппозиции «задний – передний», которая изначально соотносима с обозначением пространственных координат, определяемых относительно позиции человека – «сзади – впереди», и находят отражение во фразеологизмах поворачиваться/повернуться <обратиться> лицом в значении ‘обращать внимание, проявлять заинтересованность, участие’ (говорится с одобрением) и поворачиваться/повернуться спиной в значении ‘проявлять безразличие, пренебрежение’ (говорится с неодобрением). В данном случае пространственные отношения переносятся на межличностные, а человек предстает как субъект межличностных отношений, реализующий свое мысленно-чувственное «Я» и допускающий в сферу своих личных интересов/исключающий из нее пространство собеседника, что связывается с оценкой последнего соответственно как заслуживающего/не заслуживающего внимания. Например:

Банк **повернулся лицом** к народу. Петербургский филиал Внешторгбанка открыл новый дополнительный офис в городе. В нем наряду с корпоративными клиентами будут обслуживать и физических лиц. (*Экономика и время, 2002*). Наконец-то и западные инвесторы **повернулись лицом** к российскому предпринимательству. (*Центр-плюс, 1997*). Государство, которое **повернулось спиной** к демократии, не способно к прогрессу. (*Известия, 1992*). Все остальное, что было при дворе, решительно **повернулось спиной** к изгнаннице. (*П. Кудрявцев, Римские женичины*).

Спина может также символически выступать как условная граница между окультуренным, «своим» миром и миром «чужим» (напр.: **за спиной** ² в значении ‘в тылу’): осваивая внешний мир, человек движется вперед, перед ним, в поле его зрения открывается новое, враждебное, пока не известное ему пространство, к которому он стоит лицом, узнавая и «познавая» его и будучи готовым отразить опасность. По мере освоения это пространство, став «своим», оказывается у человека сзади, уже не представляя для него враждебности, и служит «тылом», источником поддержки в трудной ситуации. Таким образом, пространственные отношения метафорически переносятся на межличностные; фразеологизм связан с древнейшей оппозицией «свой – чужой» и отображает представление о «своем» пространстве как источнике моральных сил и поддержки в сложной ситуации. Например:

– А я тоже бы расписался, – сказал он. – Понимаешь? Одно дело сражаться вот так, а другое дело мужем. Когда у тебя **за спиной** родина и еще Наташка, жена твоя. (*В. Росляков, Один из нас*). Ему хотелось крикнуть, что он ни капельки не боится, что **за его спиной** весь цивилизованный мир. Но тогда его схватили бы за несанкционированный митинг. А митингов Пайпс не любил. (*О. Андреев, Отель*).

Следующая составляющая окультуренного пространства – фрагмент пространства за пределами личной зоны, осознаваемый как близкое, свое, родное пространство, в котором важная роль принадлежит повседневному – хозяйственному, бытовому и под. – «окружению» человека, в котором он пребывает всю свою жизнь. (напр.: *дом, двор, родная земля*).

Так, изначально *двор* в народных представлениях осмысливается как часть жилого освоенного пространства, которое, примыкая к чужому,

² Фразеологизм **за спиной** имеет пять омонимов, однако в силу ограниченности объема статьи мы не можем останавливаться на каждом из них [БФСРЯ 2006: 208-212]. Культурные смыслы, реализуемые через компонент *спина* в данных фразеологизмах можно условно разделить на три сферы: 1) спина как граница, ориентир в «физическом» пространстве; 2) спина как «временная граница»; 3) спина как некий ориентир в межличностных отношениях и деятельности в сфере человека [Захаренко 2003: 129-132].

внешнему миру, может быть опасным для домочадцев, особенно в определенное время суток (после захода солнца, ночью). С одной стороны, наличие ограды делает двор местом, защищающим постройки вокруг жилого дома от вредоносных внешних сил; в пределах двора совершаются многие обряды, способствующие процветанию дома и хозяйства (напр.: колядование, дожинки, сохраняющиеся и в современном фольклоре). С другой стороны, восприятие двора как «не своего» пространства связано с представлениями о том, что вне стен дома, в том числе, во дворе, человеку угрожают опасные духи, духи умерших, а тж. колдуны, подбрасывающие вредоносные предметы. Таким образом, двор выступает как «среднее» пространство, в котором стирается преграда между «своим» и «чужим» миром [СМ-ЭС: 129-130]. Постепенно двор стал восприниматься и как некая совокупность подневольных лиц, связанных с владыкой феодальными отношениями (ср.: княжий, царский двор, дворовые, придворные); слово *двор* становилось социальным термином [Колесов 2000: 211].

Подобные представления о дворе проявляются в образе фразеологизма **приходиться/прийтись <оказаться, быть> ко двору** в значении ‘подойти’, который восходит к архетипическим оппозициям «внутренний – внешний», «свой – чужой». Как уже было отмечено выше, «внутреннее» («свое») пространство человека прежде всего условно описывается границами собственного тела. Далее по мере освоения окружающего мира в границы «своего» пространства попадают дом, *двор*, околица, поле, страна – «пределы» данного пространства определяются по тому, какие именно люди его населяли – свои или чужие [Колесов 2000: 212]. *Двор* как пространство вокруг дома метонимически отождествляется с группой людей – коллективным социальным пространством, объединенным признаком «свои», который реализуется в общности образа жизни, образования, взглядов на что-л. и т. п. В метафоре, лежащей в основе образа фразеологизма, приживаемость в социальном коллективе уподобляется приживаемости по месту (в каком-либо пространстве). Таким образом, идиома в целом отображает стереотипное представление о способности к адаптации в каком-л. социальном коллективе, о принадлежности к кругу «своих», а также о приемлемости каких-либо идей в определенной социальной среде. Например:

Среди старых профессоров... были честные, умные... люди. Но большинство состояло все же не из них. И это большинство очень плохо **приходилось ко двору**. После ошеломительной речи Фрунзе никто из них даже и не пытался играть в оппозицию. (С. Голубов, *Когда крепости не сдаются*). В Америке он неожиданно **пришелся ко двору**. На родине особенно ценились полоумные герои и беспутные таланты. В Америке – добросовестные налогоплательщики и честные трудящиеся. (С. Довлатов, *Ремесло*). Впрочем, и культурному обществу **пришлось**

не совсем **ко двору** чистое христианство, потому что оно нашло в нем много антикультурного, обращенного вспять, замешанного на старческой озлобленности против кипучей жизни... (В. Пьецух, *Рассказы о писателях*).

Одним из элементов двора являются *ворота*, которые в народных представлениях осмысляются не только как важный элемент в структуре крестьянского двора, но и как пространственный рубеж, отделяющий «свой», домашний мир от мира внешнего, что отражено, например, в русских пословицах *Хлеб да соль в воротах, так не своротишь; Гости на двор, так и ворота на запор*, а также в образе фразеологизма **от ворот поворот** в значении ‘полный, категорический отказ’ (говорится с неодобрением). Фразеологизм связывается с ритуалом сватовства: при отказе со стороны невесты приехавших сватов не пускали в дом, и они вынуждены были *поворачивать от ворот*. Древнейшие народные представления о *воротах* характерны и для свадебного обряда, в котором сталкиваются две стороны – «свои» и «чужие» – и существует ряд ритуальных границ, преодолеваемых его участниками. В частности, жених как представитель внешнего мира, «чужак», должен был «преодолеть» одну из первых границ – ворота к дому невесты, чтобы потом породниться с ней и стать «своим» (ср.: культурно значимый смысл этого фразеол. «несет информацию об от-«чужд»-ении, о непризнании агенса «своим» [Телия 1996: 240]). Например:

...[Они] ультиматума не приняли... Парламентерам – **от ворот поворот**. (К. Симонов, *Солдатами не рождаются*). Дядя Винер, как приехал, разбежался было в буфет, а ему **от ворот поворот**, запрещено, приказ дирекции. (В. Драгунский, *Сегодня и ежедневно*). Неожиданно для себя самой неприступная Клаудиа, дававшая **от ворот поворот** всем без исключения мужчинам, влюбилась по уши. (*Караван историй*, 2001).

Таким образом, в пространственной картине мира *ворота* осмысляются как символическая граница, разделяющая различные миры («свой и чужой», «этот свет – тот свет»), а также различные области бытия (например, в религиозном сознании храмовые ворота отделяют сакральное от мирского).

Восприятие *земли* как своего пространства находим, например, во фразеологизмах *за тридцать земель, на край света <земли>, достать из-под земли, сквозь землю провалиться* и др. Согласно древнейшим представлениям, слово *земля*, несмотря на свою многозначность, изначально связывается с территорией, принадлежащей роду-племени, т. е. со «своим», родным пространством, которое единично и в собирательном смысле единственно – земля, а не земли [Колесов 2000: 260] – и за пределами которого мир осознается как чужой. Собственно фрагмент внешнего мира, который находится далеко и осознается как чужой,

также является составляющей частью русской пространственной модели мира (*у черта на куличках, не за горами, на край света, на краю гибели <пропасти>, на том свете* и др.).

Так, во фразеологизме **за тридевять земель** в значении ‘очень далеко’ «множественность» земель (на что указывает форма мн. ч. и числительное **тридевять**³, обозначающее большое количество, несметное множество) создает образ удаленности от «своего» пространства, в результате чего метафорически образное содержание единицы соотносится с далеким, неизвестным, неосвоенным пространством, потенциально опасным для человека. «Далеко» – это незнакомое, хаотичное, «чужое» пространство, мир враждебных духов и нечистой силы. Поэтому, покидая «свое», известное, гармонически организованное пространство и тем самым нарушая условную границу между миром «своих» и «чужих», человек может обречь себя на испытания. Кроме того, образ фразеологизма актуализирует в сознании сказочное клише **за тридевять земель**, которое служит для называния царства мертвых, «того света» – места, расположенного за полями, за лесами, за рекой, за горами, то есть очень далеко от мира живых, от мира «своих». Например:

...Она [Саша] представлялась фон Дорну залетной птицей, угодившей в варварскую Московию по прихоти недоброго ветра: подхватил нежную птаху, занес ее **за тридевять земель** да и бросил посреди чуждой, дикой чащи. (Б. Акунин, *Алтын-толобас*). Ради чего, господин Фандорин, притащили вы сюда, **за тридевять земель**, в чужой мир, хорошего японского человека? (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*). Устроившись и завалявшись спать в отведенном мне номере, я думал о том, как хорошо, что и здесь, **за тридевять земель** от родного очага, о тебе заботятся... (В. Тельпугов, *Дыхание костра*).

Сходный образ представлен во фразеологизме **на край света <реже – земли>** в значении ‘очень далеко’, который восходит к древнейшему представлению о *свете* как об освоенном человеком пространстве и о его границе (*крае*), которая может «сдвигаться» по мере освоения мира (космоса).

Слово *свет* (др.-рус. – **свѣтъ**) изначально имело значение «лучистая энергия (воспринимаемая глазом)». Постепенно это слово, обозначающее результат зрения, приобретает значение «то, что познано, узнано» [Колесов 2000: 232]. С одной стороны, открывающийся человеку за порогом внешний, «чужой» мир – весь свет – изначально беспределен и враждебен, поскольку человека здесь ждут опасности и испытания. С другой стороны, свет – это мир, который виден, это земные пределы, которые можно познать, подчинить, обернуть себе на пользу. Таким

³ Число **тридевять** относится к девятичной системе исчисления, существовавшей на Руси наряду с десятичной системой, и означает двадцать семь.

образом, *свет* конкретен, пространственно ограничен и очевиден, выступает как освоенное человеком пространство, как окультуренное осознание им окружающего мира и по своему метафорически-образному содержанию близок компоненту *земля* в составе образа фразеологизма. *Край* в данном случае выступает как место границы света, пространство у его предела и в сочетании со словами *свет*, *земля* включается в метафору, которая создает образ удаленного пространства, находящегося в пределах «своего» мира, по эту сторону границы между миром освоенным и «чужим», но очень близко к последнему, поэтому данное пространство может осознаваться как потенциально опасное. Например:

Хуже всего было то, что похититель, кажется, вознамерился утащить свою добычу в какие-то несусветные дали, **на самый край света**. Он все шел, шел, ни разу не передохнув, даже не остановившись, и не было конца этому мучительному путешествию. (*Б. Акунин, Пелагия и Черный Монах*). Флора не есть что-то отдельное от нас – некий отвратительный и опасный зверь из джунглей, которого надлежит либо уничтожить, либо отогнать **на край света**. (Кстати, куда хотите отогнать вы его? В соседнюю область? В соседний регион? В соседнюю республику?) (*А. и Б. Стругацкие, Отягощенные злом, или Сорок лет спустя*).

Оба фразеологизма выполняют роль эталона, т. е. меры, далеко расположенного пространства.

Представления о «чужом» пространстве отображены также в образах фразеологизмов **на краю гибели 1** в значении ‘в непосредственной близости от смертельной опасности’ и **на краю гибели <пропасти> 2** в значении ‘в крайне тяжелом и опасном положении’, которые связаны с древнейшими мифологическими представлениями о границе как о пространственном рубеже, разделяющем «мир живых» – освоенное, гармонично организованное пространство – и «мир мертвых» – «чужое» пространство, грозящее человеку опасностями. *Край* в данном случае воспринимается как граница, но не собственно черта, а сторона, бок, место у границы какого-л. пространства и символически осмысливается как «переход» от жизни к смерти, как «грань» между ними. **«Крайний»** предел не так безнадежен, поскольку находится в пределах «своего» мира, по эту сторону границы между миром освоенным и «чужим», но в то же время опасен, так как расположен очень близко к последнему [Колесов 2000: 262-263], ср.: *ходить по краю*. Например:

Вообще-то он очень везучий человек. Несколько раз был в горах **на краю гибели** и всякий раз спасался неожиданным образом. (*реч.*) Обсуждать подобные вопросы [торговаться о повышении жалования], когда мы находимся в открытом море, без капитана, практически **на краю гибели**, по меньшей мере, нетактично. (*Х/ф «Капитан «Пилигрима»*). Мы

находимся **на краю гибели**. Если нам не удастся выбить этот контракт – все, мы банкроты. (*Х/ф «День рождения Буржуя»*).

Таким образом, пространственная модель мира в русской лингвокультуре отображает процесс освоения мира человеком, который осуществляется по горизонтали, предполагает движение и «фиксацию» границы (значимыми оказываются древнейшие оппозиции «внутри – снаружи», «близко – далеко», «центр – периферия», «вперед – сзади, «свой – чужой»). Заметим, что культурные смыслы, стоящие за определенным именем, осмысляемым как граница каких-либо пространств, могут быть многозначными (например, *край* как предел проявления эмоционального «Я», как предел допустимого поведения, как граница «культурного» мира). Вертикальная же структуризация пространства («верх – низ»), на наш взгляд, предполагает статику в том смысле, что не актуализирует собственно процесса освоения мира, а описывает уже окультуренное пространство в заданных оценочных категориях *верха* *низа* (*с головы до ног, поставить с ног на голову, вверх ногами, падать в ноги, достать из-под земли, сквозь землю провалиться, земля уходит из-под ног*).

В структуризации пространства не менее значимыми оказываются его метрические параметры: длина, ширина, высота. Способы членения и восприятия пространства «по разным его направлениям» закрепляются в эталонно-метрической сфере русской лингвокультуры. Так, например, фразеологизм **вдоль и поперек 1** в значении ‘повсюду; в разных направлениях’ выполняет роль эталона некоторого пространства, известного человеку по его собственному опыту (пространство осмысляется как целое в единстве его метрически противоположных координат – длины и ширины):

Он любит путешествовать, прошел страну **вдоль и поперек**. (*реч.*)
Следователь и без Честертона каждый камешек, каждый листик тут осмотрел с собакой. Исходили **вдоль и поперек** – никаких следов...
(*И. Булгакова, Только никому не говори*).

Фразеологизм **вдоль и поперек 2** в значении ‘полностью’ выполняет роль эталона абсолютно загроможденного или беспорядочно заполненного чем-либо пространства:

К Новому году основной документ школьника оказался исписан [замечаниями] **вдоль и поперек**, а в клеточках плотно толкались двойки вперемешку с колами. (*Д. Донцова, Вынос дела*). Татьяна не могла понять этой страсти к накопительству. Глядя на их квартиру, которую они **вдоль и поперек** заставили экзотическими диванами, антикварными шкафами и комодами, редчайшими (по словам хозяйки) сервантами и секретерами, она испытывала отнюдь не чувство зависти, а чувство тихого сожаления. (*С. Максимова, Двое*).

Фразеологизм **вдоль и поперек** **3** в значении 'основательно, до мельчайших подробностей, во всей полноте' выполняет роль эталона полного знания какой-л. ситуации или каких-л. свойств человека:

Стар Грушин, давно в отставке, но всю воровскую Москву знает, изучил за многолетнюю службу и **вдоль и поперек**. (Б. Акунин, *Смерть Ахиллеса*). Кто-то ведь должен таким важным делом заниматься... Кто же, как не он? Человек, **вдоль и поперек** знающий жизнь?! (С. Залыгин, *Наши лошади*). Авдотья молча присматривалась к мужу. Ей думалось, она знает его **вдоль и поперек**, а в этой напряженной сумрачности его было что-то неожиданное и непонятное ей. (Г. Николаева, *Жатва*).

Важная роль в структуриации пространства принадлежит *шагу*, который в эталонно-метрической сфере предстает как эталон минимального расстояния [*жить в двух шагах, не отходить ни на шаг*], кратчайшего временного отрезка [*быть на шаг от гибели*], мера минимальных деятельностно-волевых усилий человека [*ни на шаг не продвинуться, шаг за шагом, шагу лишнего не сделать, не давать и шагу ступить, первые шаги, сделать шаг, предпринять шаги*]. Поскольку в пространственной модели мира *шаг* связан с выходом во внешний, «чужой» мир, освоение которого часто сопрягается с трудностями и опасностью, а также с расширением зоны окультуренного человеком пространства, то шаг может быть *рискованным, неосторожным, неуверенным, робким*, трудно *решиться на шаг*.

Итак, структурирование пространства возможно через части человеческого тела, элементы ландшафта и природы (*горы, земля, пропасть, вода, свет*), бытовые постройки, элементы жилища (*ворота, двор, дом*) и др. Другими словами, освоение мира, начавшись с самого человека, распространяется на окружающее человека внешнее пространство, заполненное предметами и вещами, которые при освоении наделяются теми или иными свойствами и оценками. Данные представления закрепляются в нише социальных, межличностных, духовных и др. отношений, а также в деятельностной сфере человека.

Л и т е р а т у р а

1. БСФРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
2. Гудков Д.Б. Эссе о границе // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 22. М., 2002. С. 51–57.
3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.
4. Захаренко И.В. Представления о «спине» в русском языковом сознании // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Материалы Международного симпозиума (Волгоград, 22-24 мая 2003 г.). Часть 2. Тезисы докладов. Волгоград, 2003. С. 129-132.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 1. Мир человека. СПб., 2000.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред кол. М.Л. Ковиова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. ISBN 978-5-317-04486-2

6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? М., 2003.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175–193.
8. СМ-ЭС – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
10. Телия В.Н. Предисловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 6–14.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

**THE ARCHETYPAL OPPOSITION ‘OWN/NATIVE – ALIEN’
IN THE SPATIAL CODE OF RUSSIAN CULTURE
I.V. Zakharenko**

Keywords: the archetypal oppositions ‘inside-outside’, ‘own/native–alien’,
code of culture, the social-psychological role of a boundary,
the spatial model of the world, exemplars of measure in culture

Abstract

The paper provides the linguoculturological description of phraseologisms that correlate with the spatial code of Russian culture. The ideas about space are rather ancient. They stem from the ancient modes of world-cognition and relate primarily to people’s experience of adapting themselves to the surrounding environment as a result of which a new – cultural – environment (or culture) comes into being. The paper focuses on the archetypal oppositions ‘inside–outside’, ‘own/native–alien’ as well as on the mythological function of a boundary in structuring the space of the Russian world. Special attention is paid to the spatial metaphors due to which such phenomena as the inner world of a person, the interpersonal relations, the social activity, etc are represented in terms of space. The functions of the phraseologisms to serve as standards (or exemplars) of measure in Russian linguo-culture are considered.